

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Вскоре после смерти Г. Р. Державина (8/20 июля 1816 года) в журнале «Сын Отечества» было напечатано его последнее стихотворение со следующим примечанием: «За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту „Река времен“, начал он стихотворение „На тленность“ и успел написать первый куплет:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

Сии строки написаны им были не на бумаге, а еще на *аспидной доске* (как он всегда писал начерно) и уже после смерти его положены на бумагу одним родственником». ¹

Скудные сведения, оброненные кем-то из ближайшего окружения поэта, надолго определили восприятие восьмистишия как фрагмента незавершенного произведения, вызванного к жизни созерцанием исторической карты «Река времен». Единственный непосредственный отклик на последний поэтический текст Державина не содержал новых данных и не предлагал какой-либо иной трактовки — в «Вечере у Кантемира» (1816) Батюшков восторженно писал прежде всего о преданности поэта Музам: «Державин, за час перед смертью, хладеющими перстами извлекал звуки из бессмертной лиры своей». ²

Я. К. Грот, издатель девятитомного академического собрания сочинений Державина, посчитал этот, с его точки зрения, фрагмент столь малоинтересным и мало-значительным, что даже не удостоил его упоминания в биографии поэта, ³ — к тому времени грифельная доска с автографом восьмистишия переместилась в Императорскую публичную библиотеку и была выставлена для всеобщего обозрения. ⁴ Зачином

¹ Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № XXX. С. 175—176. См. также комментарий Я. К. Грота в кн.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. III. С. 235—236. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы). Ученый внес два исправления в текст первопубликации, в духе тогдашней издательской практики не оговорив этого: форму «в стремленьи» он изменил на «в стремленье» и вместо финального восклицательного знака поставил точку; ему же принадлежит заголовок «Последние стихи Державина». Именно этот вариант неоднократно воспроизводился впоследствии. В издании «Библиотеки поэта» (1933) Г. А. Гуковский напечатал восьмистишие с названием «Последние стихи», которое было опущено в 1957 году в следующем издании этой серии.

² Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1989. Т. 1. С. 59.

³ Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 649—660 (глава «Последнее лето в деревне. Болезнь и смерть»; см. также: VIII, 988—1005).

⁴ Грифельная доска хранится ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге. В настоящее время прочтению поддается около 40 % текста. О его плохой сохранности уже в XIX столетии свидетельствовал еще Я. К. Грот (III, 236).

незавершенной оды представлялись последние державинские строки В. Ф. Ходасевичу, высоко ценившему их художественные достоинства. В соответствии со своей общехристианской концепцией творчества поэта он был склонен придавать им особенное значение, видеть в них связь с первыми детскими впечатлениями Державина.⁵

Посещая в 1951 году семинар Романа Якобсона по поэтике русской литературы в Гарвардском университете, Морис Халле сделал любопытное наблюдение о том, что начальные буквы восьми стихов дают по вертикали словосочетание «РУИНА ЧТИ», и попытался проинтерпретировать его. Статья американского исследователя «О незамеченном акrostихе Державина», появившаяся лишь в 1959 году,⁶ положила начало более пристальному исследованию восьмистишия, в ней подчеркивалась художественная завершенность державинского текста и было впервые обращено внимание на следующее обстоятельство: «Начальные буквы всех восьми строк, РУИНА ЧТИ, на самом деле дают подходящий заголовок для стихотворения, повествующего об эфемерности всех человеческих деяний и достижений».⁷

Констатируя необычность обоих слов для лексики поэта (ни слово «руина», ни форма родительного падежа «чти» от существительного «честь» у Державина более не встречаются), американский ученый объяснял столь необычное словоупотребление «потребностями акrostиха», тем более что слово «руина» не чуждо русскому языку XVIII века, а форма «чти» дважды встречается в «Слове о полку Игореве»,⁸ хорошо знакомом Державину.⁹ Смысл двух читавшихся по вертикали слов понимался М. Халле как «погибель земной славы», «тленность человеческих успехов»,¹⁰ что вполне соотнобразится с тематикой стихотворения. Оправданной представляется и трактовка этого текста как последнего и особенно значительного державинского произведения.

М. Халле удалось также показать, что в последние месяцы внимание Державина было привлечено к проблеме дефиниции акrostихов, что отразилось и в его переписке с пресов. Евгением (Болховитиновым), и в «Рассуждении о лирической поэзии», последнем теоретическом сочинении поэта. Следующий отрывок из «Рассуждения» был опубликован американским исследователем в качестве одного из основных аргументов: «Наконец сюда же относятся *акrostишия*, или как у нас в церковных книгах называются *краеграня* (краестишия), в которых заглавные каждого стиха буквы содержат в себе имя, в честь коего стихи писаны, или какое-нибудь значительное слово, коего поэт открыто для всех сказать не хотел».¹¹ Именно второй случай применения акrostиха видел М. Халле в последнем восьмистишии Державина, которое в краткой статье американского исследователя, к сожалению, не было вписано в общий контекст творчества поэта.

⁵ С завидной смелостью Ходасевич также указал, как ода должна была быть продолжена: «Стихи были только начаты, но их продолжение угадать нетрудно. Отказываясь от исторического бессмертия, Державин должен был обратиться к мысли о личном бессмертии — в Боге. Он начал последнюю из своих религиозных од, но ее уже не закончил. Бог было первое слово, пронзенное им в младенчестве, — еще без мысли, без разумения. О Боге была его последняя мысль, для которой он уже не успел найти слов» (Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988. С. 232—233).

⁶ Халле М. О незамеченном акrostихе Державина // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. [Vol.] I/II. P. 232—236.

⁷ Ibid. P. 233.

⁸ Аргументацию М. Халле можно усилить, ибо форма косвенных падежей «чти» встречается во многих древнерусских текстах. См.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1902. Т. 2. Стлб. 1572.

⁹ См. также: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 130—143.

¹⁰ В большинстве европейских языков лексемы, восходящие к латинскому «ruina», сохранили значение «распад, разрушение».

¹¹ Халле М. Op. cit. P. 235.

В книге «Формалистическая поэзия у славян», вышедшей по иронии судьбы из печати раньше, чем статья М. Халле, Д. М. Чижевский сослался на сообщение своего предшественника и недвусмысленно присоединился к его мнению.¹² Он же указал на два не замеченных М. Халле державинских акrostиха.

В 1984 году была опубликована краткая заметка Р. Якобсона «Последнее стихотворение Державина и первый литературоведческий опыт М. Халле», в которой детальному анализу было подвергнуто фонетическое, метрическое и грамматическое единство акrostиха; его макаронический характер никоим образом не смущал исследователя.¹³

Советским исследователям, как кажется, остались неизвестными как публикации М. Халле и Р. Якобсона, так и книга Д. Чижевского; в этом отношении не был исключением и Н. Я. Эйдельман, считавший стихотворение Державина фрагментом и посвятивший ему небольшую статью «Последние стихи»: ¹⁴ «Пройдем же по последним державинским строчкам, наверное, еще не доведенным до полного совершенства, но, без сомнения, гениальным».¹⁵

Отмечая связь последнего державинского текста с «Одой на смерть князя Мещерского», «Евгению. Жизнь Званская», «Властителем и судиям» и уделяя большое внимание звукописи, Н. Я. Эйдельман вовлек стихотворение в широкий историко-культурный контекст — от Библии, Гомера и Данте до Пушкина и Блока. Видя в последних строках великого поэта «странную радость, нет, точнее, не радость, но некий свет, приобщение к вечности», исследователь приходит к следующему, не лишнему философского значения выводу: «Державин объясняет: все проходит, уносится, пожирается, но если поэт, человек способен все это охватить, понять, то самым этим пониманием он уже как бы вечен, бессмертен».¹⁶

Ч. Л. Дрейдж посвятил рассматриваемому акrostиху пространный абзац в монографии «Русская игровая поэзия от Симеона Полоцкого до Державина» (1993); ссылаясь на книгу Д. Чижевского, он в сущности полемизировал с ней. Во всяком случае, английскому исследователю остались неизвестны ни развернутая аргументация М. Халле, ни опубликованный им по рукописи державинский акrostих «КНЯЗ КУТУЗОВ СМОЛЕНСКОЙ», что предопределило, скорее, скептическое отношение к самой идее акrostиха. Сомневаясь в правомерности толкования «погибель земной славы», Дрейдж предложил свое: «It is a ruin, take this into account» (т. е., если перевести, «Руина. Почитай [ее]»), предвосхитив, таким образом, следующую трактовку.¹⁷

¹² Ср.: «Ein weiteres Akrostichon Deržavins ist insofern interessant, als es sein letztes (auf dem Todesbett [sic! — К. Л.-Д.] entstandenes) Gedicht ist. Man hielt es für den Anfang einer Ode. Doch ist es offensichtlich ein abgeschlossenes Akrostichon-Gedicht (Mitteilung von Prof. M. Halle, Cambridge, Mass.)» (*Tschizhevskij D. Formalistische Dichtung bei den Slaven*. Wiesbaden, 1958. S. 55).

¹³ Ср.: «In my Harvard seminar on Russian poetics in 1951, Morris Halle observed that the initial letters of the eight lines of this poem form an acrostic that underscores the theme of the poem as expressed by its title. This acrostic consists of two words — „RUINA ČTI”, „the ruin of glory” — one a gallicism and the other an Old Russian relic, both of which were familiar to the Russian readership of that epoch» (*Jakobson R. Deržavin's Last Poem and M. Halle's First Literary Essay, Language, Sound, Structure*. Cambridge; London, 1984. P. 3—6).

¹⁴ Эйдельман Н. Я. Последние стихи // Знание—сила. 1985. № 8. С. 32—34.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «The third, composed on 6 July 1816, two days before he died, appears to have the message *Ruina čti*, which is obscure enough to allow different interpretations. One of them could be: 'It is a ruin, take this into account', which would reinforce the poem's expressed meaning. Another interpretation would take *čti* as a contraction of *česti*, but the sense 'the ruin of honour' seems less apt, and Deržavin, unlike certain of his contemporaries, was no student of the old manuscripts in which such contractions abound. When an acrostic message is difficult to understand, the possibility, always present in acrostics, that the letter sequences could have arisen fortuitously, increases, and with respect to this poem we may doubt whether we have to do with an acrostic at all» (*Drage C. L. Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Deržavin. Its Classical and Baroque Context*. London, 1993. P. 23).

В статье А. А. Левицкого «Образ воды у Державина и образ поэта»,¹⁸ содержательной и полной свежих наблюдений, рассматриваемому акrostиху посвящены последние четыре страницы. Не вступая в полемику с М. Халле (о чем можно лишь пожалеть, ибо аргументация предшественника оказывается попросту проигнорированной), ученый предлагает иное членение текста, читаемого по вертикали: «РУИНА. ЧТИ!». На современном языке это, по-видимому, должно означать: «Руина. Почитай [ее]!». Говоря о неизменной убежденности Державина в собственном бессмертии как итоге его поэтических занятий (в качестве доказательства А. А. Левицкий указывает на стихотворения «Памятник», «Лебедь», «Венец бессмертия» и «Полигимния» и на их особенно важную роль в структуре державинских сборников), исследователь трактует последнее стихотворение классика следующим образом: «Несмотря на безнадежный тон, переданный по горизонтали, т. е. по течению стиха, линейно, до конца, в котором даже „звуки лиры“ поэта „пожрут“ вечностью, читателю вдруг предлагается новое осмысление — по вертикали, независимое от привычного чтения. В акrostихе „РУИНА ЧТИ“ Державин создает себе как бы новый памятник, который не только „металлов тверже и выше пирамид“, но прочнее самой Вечности. (...) Осмысляя себя в качестве руины, автор создает себе своеобразное надгробие, которое будет стоять несмотря на вечность в человеческом понимании времени, и не случайно „река времен“, аналог вечности, дословно вытекает в стихах из образа „руины“, последнего авторского представления о себе как дряхлейшем из стариков, которое сопровождало более ранние его изображения ключей, рек и водопадов. (...) Но если раньше воды времени истекали из урн, то в этом стихотворении, олицетворяя себя самого в руине, Державин одновременно сам становится источником „реки времен“. Будучи ее „ключом“, он „уходит“ общей судьбы вечности и воздвигает себе грандиознейший последний памятник — надгробие над звуками своей лиры, которое прочнее самого жерла вечности. Такого памятника не воздвиг сам Гораций. В нем (...) слышен „рев времен“, исходящий из вечно осыпающейся, но вечно возвышающейся, как водопад над рекой жизни, руины, которую невозможно не „читать“».¹⁹

Толкование, предложенное А. А. Левицким, вызывает ряд возражений. Во-первых, как указывал еще М. Халле, лексема «руина» употреблена здесь не в позднейшем и обычном с середины XIX столетия значении «развалина», а в более раннем и идентичном тому, что она имеет в латинском, итальянском, английском и французском языках (т. е. «погибель, распад, разрушение»)²⁰ Не совсем ясно также, почему надпись, читаемая по вертикали, должна «предлагать новое осмысление, независимое от привычного чтения», а не сообразовываться со смыслом стихотворения, как это обычно бывает в акrostихах. В противоположность Ходасевичу, видевшему именно в последнем восьмистишии отход Державина от убеждения, что поэтические заслуги даруют ему бессмертие, А. А. Левицкий пытается утверждать обратное.

К двум толкованиям акrostиха, предложенным до сих пор («Погибель [земной] славы»; «Руина. Почитай [ее]!»), можно, на мой взгляд, прибавить по крайней мере еще два. Древнерусский глагол «чести» (южнославянская форма «чисти») обладает значениями «измерять»²¹ и «читать»,²² т. е. теоретически возможны следующие толкования: «Руина. Измерь [ее]» или «Руина. Прочти!».

¹⁸ Левицкий А. А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 47—71.

¹⁹ Там же. С. 69—70.

²⁰ Ср. также в немецком: «der Ruin».

²¹ Словарь церковно-славянского языка / Сост. акад. А. Х. Востоковым. СПб., 1861. Т. 2. С. 285.

²² Старославянский словарь / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечорки и Э. Благовой. М., 1994. Стлб. 779.

Из всех четырех возможных чтений лишь вариант, предложенный М. Халле, сообразуется со смыслом акростиха и соответствует воззрениям самого Державина. Если учесть как эти обстоятельства, так и обостренный интерес Державина к акростихам в последний год его жизни, то скептическое предположение о том, что восемь согласных случайно составили осмысленное высказывание, представится более чем малоубедительным.

Следует подчеркнуть и тот факт, что последнее восьмистишие Державина — самодостаточный и художественно завершенный текст, который никоим образом не может рассматриваться как зачин неоконченной оды. Первые четыре стиха²³ развивают характернейшую для барочного искусства тему бренности всего земного. Пятый и шестой затрагивают столь существенный для Державина лично, в течение всей жизни волновавший его вопрос о посмертной славе людских деяний. Седьмой и восьмой подводят пессимистический итог — все преходящее, всепожирающее и неумолимое время не делает ни для кого исключения.²⁴ Этот вывод столь глобален и эсхатологичен, что он исключает дальнейшее развитие темы. С другой стороны, именно эта законченность — важная предпосылка создания акростиха, начальные литеры стихов которого призваны в чеканной форме продублировать его общую идею.

Заслуживает упоминания и то, что российские исследователи никогда не были едины в интерпретации восьмистишия: Н. И. Глинка и П. Г. Паламарчук говорили о зачине неоконченной оды,²⁵ в то время как А. Я. Кучеров, издавая в 1958 году лирику Державина, именовал его «Последним стихотворением».²⁶ «Законченное стихотворение» видел в нем А. Л. Зорин.²⁷

Предположительное заглавие, упомянутое в комментарии к первой публикации восьмистишия («На тленность»), вряд ли достоверно, ибо поэт назвал сходным образом одно из своих поздних стихотворений: «Тление и нетление» (1813; III, 68). Имелась в виду, скорее, тематика.

Большая работа, проделанная предшественниками, побуждает меня обратить внимание лишь на некоторые из проблем, существенных для понимания акростиха: употребление слов «руина» и «честь» в XVIII веке; последнее стихотворение Державина в контексте его поэтического творчества; некоторые релевантные аспекты барочной культуры.

* * *

Картотека «Словаря русского языка XVIII века», хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН, позволяет ответить на вопрос о частотности употребления лексем, составляющих надпись по горизонтали. «Руина» (нарах legomenon у Державина) приходит в русский язык со значением «погибель, разрушение» довольно рано; она содержится в текстах уже XVII столетия, неоднократно встречается в документах Петровской эпохи, оставаясь на протяжении всего последующего века в языковом узусе. Приведу несколько примеров: «в конец нестерпимыми налогами королевство то в последнюю руину привел», 1700-е;²⁸ «всего

²³ Как уже отмечалось, четвертый стих «Реки времен...» отсылает читателя к Библии, и к ее историческим книгам, и к переложению 81 псалма самим Державиным.

²⁴ Сходные идеи Державин развивал в других одах: «На тщету земной славы» (1796), «Слава» (1810), «Тление и нетление» (1813) и др. («честь» и «слава» выступают в них неоднократно как синонимы). Развиваемая в них мысль о всеобщей тленности и тщете земной славы неотвратимо вступает в противоречие со стихом «Героев и певцов вселенна не забудет» из «Приношения монархини», да и со многими другими.

²⁵ Глинка Н. И. Державин в Петербурге. Л., 1985. С. 225; Паламарчук П. Г. Един Державин. М., 1986. С. 204.

²⁶ Державин Г. Р. Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Я. Кучерова. М., 1958.

²⁷ Зорин А. Л. и др. Свой подвиг совершив. М., 1987. С. 150.

²⁸ Архив князя Ф. А. Куракина / Изд. под ред. М. И. Сиповского. СПб., 1896. Кн. 4. С. 286.

христианства руины касающееся намерение», 1713;²⁹ «о руине и разорении России», 1748;³⁰ «и вида прежних благ руину», 1790-е,³¹ и т. п. В приписываемой А. Н. Радищеву оде «Древность» (1790-е) лексема «руина» употреблена дважды в ее архаическом значении.³²

Лишь во второй половине XVIII века в русском языке появляется значение «развалина»: «за копирование с картины одной руины», 1767;³³ «руины греческие», 1777;³⁴ «песчаной руине, каскаду и гроту», 1780-е;³⁵ «руины Колофана», 1790-е;³⁶ «Тут сквозь новую руину / Воря старая бежит...», 1790-е,³⁷ и др. В XIX веке эта семантика станет доминирующей; более архаическое отвлеченное значение будет постепенно вытеснено предметным.

В памятниках древнерусской литературы «честь» и «слава» часто употребляются в качестве устойчивого словосочетания с единым значением. В «Словаре Академии Российской» зафиксировано следующее, обычное в XVIII веке значение лексемы «честь»: «слава, достопочтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и т. п.»³⁸ Форма косвенного падежа «чти» от существительного «честь», частотная в древнерусском языке, в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» не отмечена. В акростих она могла попасть из «Слова о полку Игореве», из «Повести временных лет» или из какого-либо другого памятника старой русской словесности. Если принять во внимание смелость, а порой и рискованную прихотливость державинского словоупотребления, соединение двух подобных слов в специфических целях создания акростиха вряд ли можно признать маловероятным. Как пример еще более непривычного словосочетания (со значением, близким «руине чти») хотелось бы привести выражение «ров тли» из оды «Предвестие» (1810):

Родимся мы, растем и зреем,
Идем, идем, — куда? — не зная,
Седем, стареем, дряхлеем
И падаем в ров тли стремглав.

(III, 76)

* * *

Как известно, сам Державин связывал начало зрелого периода своего творчества с одой «Успокоенное неверие» (1779),³⁹ в которой во второй раз после «Читалагайских од» дерзнул обратиться к философской проблематике. Тема бренности челове-

²⁹ Там же. СПб., 1898. Кн. 6. С. 6.

³⁰ Архив князя Воронцова. М., 1886. Кн. 4. С. 33.

³¹ Долгоруков И. И. Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 455.

³² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 354, 355.

³³ Сборник материалов для истории императорской Санктпетербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Ч. 1. С. 118.

³⁴ Сочинения и письма Хемницера по подлинным рукописям, с биограф. статьей и примеч. Я. К. Грота. СПб., 1873. С. 384.

³⁵ Записки А. Т. Болотова. 1738—1795. СПб., 1873. Т. 4. С. 49.

³⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1790. Ч. V. С. 303.

³⁷ Долгоруков И. И. Сочинения. Т. 1. С. 146.

³⁸ Приведу основные значения слова «честь» из «Словаря Академии Российской», опустив примеры: «1) Почтение, уважение, внутреннее убеждение о преимущественном достоинстве чьем либо (...) 2) Употребляется также сие слово для изъявления учтивости как в разговорах, так и письмах, особливо в окончании оных (...) 3) Слава, достопочтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и другими отличностями (...) 4) Чин, достоинство (...) 5) Честность (...)» (Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Стлб. 725—726).

³⁹ Ср.: «Сия ода первая пришла в известность, будучи исправлена автором и друзьями его: Николаем Александровичем Львовым, Васильем Васильевичем Капнистом, Иваном Ивановичем Хемницером (в тексте первопубликации ошибочно назван Дмитриев, что отмечено еще Гротом (I, 70). — К. Л. Д.) и Александром Семеновичем Хвостовым у последнего в доме»

ческой жизни и неизбежности смерти, выраженная еще не столь блестяще, как в «Оде на смерть князя Мещерского», заняла в ней центральное место:

Отсель изъемлет скоротечность;
А там?.. а там разверста вечность!
Дрожу! — лиется в жилах хлад.
О вечность, вечна мука, ад!

(II, 69)

Как уже неоднократно отмечалось, выражение «река времен» отсылает к начальному стиху «Оды на смерть князя Мещерского», в котором имеется в виду неумолчный и ничем не остановимый ход часов, вызывавший у поэта ассоциации почти болезненные; недаром в финальной редакции третьего стиха он вводит слово «стон» для его именованя:

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет и к гробу приближает.

(I, 87—88)

Отмечу, что ход часов имитируется здесь и фонетически: в первых трех стихах нет пиррихий и спондеев, ритм не отклоняется от метра, четырехстопный ямб представлен самой монотонной из его форм. Из 88 стихов «Оды на смерть князя Мещерского» 40 являются чистыми ямбами, в 45 допущено по одному пиррихию, в трех — по спондею. Фонетическая имитация хода часов, символизирующего неотвратимое приближение смерти, проходит, таким образом, через весь текст «Оды» и отдается эхом во многих других державинских произведениях. Кажется, еще не отмечалось, что тему смерти поэт и позднее неоднократно подчеркивал ритмически, отсылая к своему стихотворению 1779 года: «Эрэба бэздна ўж сцяла, / И но́гу в вéчность он занéс» («На выздоровление Мецената», 1780; I, 123); «Готóво ль со́лнце в бэздну скры́ться?» («На смерть графини Румянцевой», 1788; I, 216); «Смертéй ли блéдных по́лк встреча́ет, / Иль а́д скреже́щет зóвом к нím» («На взятие Измаила», 1790; I, 343); «Наде́жней грóба до́ма нёт, / Богáтым он отвéрст и бедным, / И ца́рь и ра́б в негó придéт» («Ко второму соседу», 1791; I, 442); «Поля́ и гра́ды ста́ли грóбы» («На взятие Варшавы», 1794; I, 637); «И сме́рть к нам сме́трит че́рез забо́р...» («Приглашение к обеду», 1795; I, 668); «Увы! вся вла́сть и че́сть земна́я / Минúет с на́ми, бúдто те́нь: / Затми́т лишь со́лнце тма́ но́чна́я, / Где звúк? Где блéск? Где све́тлый де́нь? (...) Косóй что гони́т к грóбу сме́рть» («На тщету земной славы», 1796; I, 723); «Земля́ покрýлась кро́вью, мгло́й; / Упа́ли б трóны, ца́рства, гра́ды, / И все́ поги́бло б в зóл борьбе́» («Бессмертие души», 1797; II, 8); «Прохо́дит на́ша жи́знь, как ми́г» («На смерть Нарышкина», 1799; I, 310); «Где блéск, где звúк, где пы́шны бра́шны? / Ты бы́л — и нёт, — твой слúх исче́з!» («Слава», 1810; III, 49); «Сей о́браз сме́рти, о́браз тли́?» («Тление и нетление», 1813; III, 176); «Там блéдна сме́рть с косóй в рука́х» («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества», 1812; III, 137), и т. п.

Во всех вышеприведенных случаях Державин обращается к четырехстопному ямбу без пропуска метрических ударений, т. е. именно к тому несколько искусст-

(Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Е. Н. Львовой, в 1809 году. СПб., 1834. С. 10); «А для того с 1779 году избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г-на Батё и советами друзей своих, а после по жене и родственникам — Николая Александровича Львова, Василия Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера, подражая наиболее Горацію» (*Конопко Е. Н.* Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // *Русская литература.* 1972. № 3. С. 84; ранее с искажениями процитировано: VI, 443).

венному для русской поэзии ритму, который находим в двух начальных стихах «Реки времен...».

Оригинальный державинский перифраз «вечности жерло» (со значением «смерть») поясняется следующими стихами:

Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды;
Так в вечность льются дни и годы;
Глощает царства алчна смерть.⁴⁰

(I, 90)

Тема эфемерности земной славы и выступающих с ней en pendant почестей находит свое выражение в конце восьмой и в начале девятой строфы «Оды на смерть князя Мещерского»:

Желанием честей размучен
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье...

(I, 94)

Сходные темы и сходные образы находим в «Водопаде» (1788): всепожирающее жерло («О водопад! В твоём жерле / Все утопает в бездне, в мгле!»), неизбежность приближения смерти и эфемерность земных титулов и отличий («Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрип подземной, / Не упадет ли в сей зев / С престола царь и друг царев?»), бренность славы («О! слава, слава в свете сильных! / Ты точно есть сей водопад. / Он вод стремлением обильных...») и т. п.

Ода «На новый 1797 год» говорит в применении к году то, что потом будет сказано об истории вообще:

Занес последний шаг — и, в вечность
Ступя, сокрылся прошлый Год;
Пожрала мрачна неизвестность
Его стремленье, быстрый ход.

(II, 16)

В генетически связанных с «Одой на смерть князя Мещерского» стихах «На смерть Нарышкина» (1799)⁴¹ находим тот же образ времени, уподобленного реке, потоку, водопаду:

Падающая с небес река!
Ток светлых, непрерывных вод!
Чья всемогущая рука,
О время! о минувший год!
Твое течение прекратила?

(II, 305)

В заключительных строфах послания «Евгению. Жизнь Званская» (1807) пророчество о будущем распаде и запустении на берегах Волхова сменяет живописные

⁴⁰ Ср. также ниже: «Я в дверях вечности стою», т. е. «я вижу смерть между миром посюсторонним (бренным, тленным, смертным и преходящим) и трансцендентным (вечным, бессмертным и потусторонним)».

⁴¹ Еще Я. К. Грот отметил, что выражение «вечности жерло» впервые употреблено Державиным во второй строфе этой оды (II, 306).

картины провинциального дворянского быта. Мир именуется тленным, лира — скудельной. Как и в последнем восьмистишии Державина, здесь появляется труба. Этот атрибут Клио, ее служитель преосв. Евгений призван сохранить память о поэте в грядущих поколениях:

Так, разве ты, отец! Святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны;

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласишь.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моя шумящую рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.⁴²

(II, 645)

Если принять во внимание вышеуказанные параллели, общий смысл державинского стихотворения вряд ли представит затруднение для толкователя. Хотелось бы, воспользовавшись приемом М. Л. Гаспарова, порой пересказывающего прозой самые туманные поэтические тексты для прояснения их содержания, проделать то же самое с вдохновенным восьмистишием Державина. В этом пересказе в квадратные скобки заключено то, что, на мой взгляд, Державиным подразумевается: «Ничем не остановимый поток истории (он же течение времени) рассеивает память о всех человеческих свершениях, народах, царствах и монархах. Даже то немногое, что сохраняется [в памяти поколений] благодаря поэтам и историкам, будет поглощено смертью и не избежит общей доли».

Речь идет, таким образом, о мире явлений — посюстороннем, брэнном, тленном и смертном. Поэт подводит итог своим раздумьям о поэтической и прочей славе, и вывод его в отличие от других стихов пессимистичен. Как бы случайно оброненное слово «вечность» отсылает нас, однако, к иному комплексу идей и художественных текстов. В первую очередь это, конечно, ода «Бог» (1784), где «вечность» мыслится Державиным как один из важнейших атрибутов Божества:

Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В своем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал.

(I, 196)

Тема «жерла вечности», воссоединяющего смертного с Богом, нашла выражение и в дальнейшем развитии знаменитой оды:

⁴² Ср. также в стихотворении «Эхо. Евгению» (1811): «Пусть лирой я, а ты трубою / Играя, будем петь с тобою» (III, 92). На глубинную связь этих поэтических текстов Державина, обращенных к Евгению, с последним восьмистишием было указано Е. П. Мстиславской: *Мстиславская Е. П. Автограф Г. Р. Державина («Эхо. Евгению» и последнее стихотворение) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1981. Вып. 42. С. 210—220.*

Твоей то правде нужно было,
 Чтоб смертну бездну преходило
 Мое бессмертно бытие;
 Чтоб дух мой в смертность облачился
 И чтоб чрез смерть я возвратился,
 Отец! В бессмертие твое.

(I, 203)

Таким образом, Бог-Творец мыслится Державиным как некое внеположное и высшее Существо, понять и осмыслить которое никто из смертных не способен («Кого постичь никто не мог»)⁴³ Ясно лишь, что Его атрибуты — это вечность и бессмертие, а поток истории и весь зримый мир — Его порождения и что они, неотвратно погибая, возвращаются в Его лоно. Воззрения Державина и то, как он богословствует в своей оде, наиболее близки традиции укоренившегося в восточных православных церквях апофатического богословия, когда Божество мыслится абсолютно трансцендентным. Отвергая путь познания Высшего Существа через осмысление мира тварного (путь катафатического богословия), восточнохристианские богословы стремились к мистическому общению с живым Богом, утверждая его полную внеположность и непознаваемость.⁴⁴

Я. К. Грот, комментируя державинскую оду «Бог» (I, 189—203) и сравнивая ее с образцами европейской духовной поэзии, пришел к выводу о ее независимости от западных литературных источников (им было обнаружено лишь сходство отдельных мотивов с «Ночами» Э. Юнга).⁴⁵ Вопрос об источнике идей Державина Гротом не ставился и его по сути дела нужно считать открытым. Ода «Бог» демонстрирует удивительные примеры близости державинской мысли к богословским высказываниям Отцов Церкви,⁴⁶ что неизбежно ставит вопрос о путях знакомства поэта с их идеями и о том, какие сочинения могли выступить в качестве посредников.

В связи с «Рекой времен...» Державина надо подчеркнуть необходимость различения двух тем в его творчестве — бессмертия поэтической славы и бессмертия души. Первая из них восходит к Горацию, вслед которому русский поэт неоднократно писал о неподвластности забвению «лирных звуков». В последнем стихотворении Державин недвусмысленно отступил от этого убеждения, нарисовав картину общего движения истории, превосходящую предшествовавшие аналоги своей глобальностью и эсхатологизмом.

Тема бессмертия души отражает уже не историософские размышления Державина, а его онтологические представления. Душа мыслится бессмертной, ее пребывание в смертной плоти — временным, ее возвращение к Богу и вечная жизнь в нем — желанными и радостными (см. оды «Бог», «Правосудие», «Бессмертие

⁴³ Оставляю здесь и далее в стороне сотериологический и христологический аспекты, наиболее подробно освещенные Державиным в оде «Христос» (1814; III, 193—208).

⁴⁴ См.: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 20—36, 204—208; Булгаков С. Свет невечерний. М., 1994. С. 88—154.

⁴⁵ См. об этом в последних по времени публикациях: Харрис Д. Г. Державин и Эдвард Юнг (к вопросу о влиянии переводов на литературный процесс) // Гаврила Державин (1743—1816) / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Норвич, 1995. С. 202—223; Телетова Н. К. Ода Державина «Бог» и Эдвард Янг // Державинские чтения. СПб., 1997. Вып. 1. С. 28—33.

⁴⁶ Ср., например, у Григория Богослова: «Божественная природа есть как бы некое море сущности, неопределенное и бесконечное, простирающееся за пределы всякого понятия о времени и природе» (Творения св. Григория Богослова. Ч. III. М., 1889. С. 196—197); у Иоанна Дамаскина: «Ибо Он не есть что-либо из числа вещей существующих не потому, чтобы вовсе не существовал, но потому, что превышает всего существующего, превышает даже самого бытия (...) Итак, Бог беспределен и непостижим, и одно в нем постижимо — Его беспределность и непостижимость» (Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913. Т. 1. С. 162).

души», «Молитва»). Обращу внимание и на то, что в знаменитом окончании «Ласточки» («Душа моя, гостья ты мира...») речь идет несомненно о бессмертии души, однако введение призыва к лире («Воспой же бессмертие, лира...») приводит к контаминации обоих мотивов.

* * *

Любопытную параллель к последнему стихотворению Державина находим в собрании эмблем и символов Нестора Максимовича-Амбодика: «*Пирамида стоящая* есть знак славы и памяти добрых государей: *лежащая*, или опрокинутая, означает разрушение царств, начало и конец человеческой жизни».⁴⁷ В рисунке и пояснении к нему оба значения слова «руина» актуализированы: развалина (т. е. пирамида опрокинутая, треснувшая и обреченная постепенному распаду) и погибель, которую она же и олицетворяет.

В XVIII столетии существовала еще одна традиция, популяризовавшая достижения теологической мысли того времени, важная для понимания образного строя од Державина и до сих пор, на мой взгляд, недооцененная. Я имею в виду церковное красноречие. Культура XVIII века не была еще столь секуляризована, как в более позднее время, воскресные поучения в храмах играли в жизни тогдашнего православного россиянина значительно большую роль, чем в жизни его потомков. Многие излюбленные Державиным образы, как то: «течение времени», «вечность», «бездна вечности» и т. п. — восходят, как представляется, именно к проповедям. Это легко заметить, обратившись, например, к «Собранию разных поучений на все воскресные и праздничные дни» Гавриила (Петрова) и Платона (Левшина), неоднократно переиздававшемуся в течение XVIII столетия и являвшемуся пособием по составлению проповедей в тогдашней Российской империи. Приведу несколько мест из проповеди «В новый год, о сходстве между течением времени и течением наших лет и дел», имеющей большое число аналогов с одами, писавшимися Державиным на приход 1781 и 1797 годов, да и с другими его сочинениями: «Проходя далее путем нашей жизни, сподобились мы, возлюбленные слушатели! вступить в новое вещей течение, а чрез то ближе к вечности стали, окончили один год, другой начинаем. (...) Но при сем смущаемся, когда видим, что цвет лет наших напоследок увядает, и все тлению непрестанно приближается. (...) Признаться должно, что темнеет свет в очах наших, и помрачается наша мысль, когда воображаем целый всех вещей союз непроницаемую тмою покрытый, а еще больше ужасаемся, когда помышляем о бездне вечности, которая все вещей премены должна в себе сокрыть (...) Время без перемен быть не может, и все, что переменам подлежит, есть во времени: а что подлежит переменам, то подвержено и тлению. (...) Из общей всех вещей судьбы нельзя выключить»⁴⁸ и нас: ибо и человек во времени, и все его дела во времени. Еще мы до оной блаженной вечности Христом обещанной не достигли; еще нам то солнце не воссиявает, которое днем и ноцию светит, и не знает запада; еще до того пребывающего града не дошли, которого строитель и художник Бог; еще бессмертию глава наша не увенчана; еще на пути стоим, еще в океане мира сега плаваем».⁴⁹

Прочитированный пассаж любопытен его укорененностью в барочной традиции, извечная (и потому неизбежно тривиальная) тема бренности всего земного выражена здесь на языке расхожих, но оттого не менее действенных и значимых для

⁴⁷ Максимович-Амбодик Н. Эмблемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки переложенные, прежде в Амстердаме, а ныне во граде Св. Петра. СПб., 1788. С. LIII.

⁴⁸ Ср. у Державина: «И общей не уйдет судьбы».

⁴⁹ Гавриил [Петров], Платон [Левшин]. Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни. М., 1776. Ч. I. С. 1—2.

культуры XVII—XVIII веков образов (одним из центральных при этом было уподобление времени потоку).⁵⁰

Другим звеном, связывающим последнее стихотворение Державина с миром барочной эмблематики, была, конечно же, историческая карта, висевшая в кабинете поэта, при созерцании которой и родилось знаменитое восьмистишие.⁵¹ Ее полное название гласит: «Река времен, или Эмблематическое изображение Всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого надесять столетия. Сочинено Фредериком Страссом.⁵² Переведено в Санкт-Петербурге, 1805».⁵³ Внизу карты находится и посвящение, поясняющее замысел создателя ее русской версии: «Его императорскому величеству всеместовитейшему государю императору Александру Первому всея России, спешествователю просвещения и покровителю наук и художеств, сие изображение посвящает со всеподданнейшим благоговением трудившийся в переводе Александр Варенцов». Здесь же изображена Клио в облике молодой женщины, увенчанной лавровым венком, пишущей в книге истории. Слева от нее пальма (символ процветания), справа — коса, напоминающая о смерти. Перед книгой — песочные часы. И книга и часы находятся на огромном глиняном сосуде, из которого изливается водная струя. На заднем плане двуглавый орел, над которым парит инициал правящего монарха, литера «А».

По правому и левому краям карты, сверху вниз, расположены шкалы, на которых отмечены равные отрезки, означающие столетия. Из облака вверху изливаются множачиися, а порой и внезапно пресекающиеся струи, символизирующие историю отдельных народов (внутри каждой из них отдельная хронология царств и важнейших событий); они соединены между собой рукавами — так, истоки россиян связывает со скандинавами струя варягов. Справа по краю еще одна, общечеловеческая вертикаль — «Изобретения, открытия, успехи просвещения. Славные мужи», — где с указанием дат перечислены выдающиеся достижения и открытия; поименованы ученые и писатели. В отрезке, посвященном XVIII столетию, находим следующие имена: Ньютон, Лейбниц, Аддисон, Кантемир, Ф. Прокопович, Тагищев, Поуп, Бодмер, Гагедорн, Галлер, Вольтер, Руссо, Вольф, Монтескье, Броун, Геллерт, Ломоносов, Сумароков, Клопшток, Винкельман, Геснер, Эйлер, Базедов, Кант, Бюффон, Линней, Бюшинг, Гаттерер, Боннет, Паллас, Шлецер, Платон (видимо, Левшин. — *К. Л. Д.*), Херасков, Державин, Кампе, Лавуазье.

⁵⁰ Заслуживает внимания и то, что Радищев, осмысляя итоги уходящего XVIII столетия, обратился к той же метафоре, к тому же эйдологическому арсеналу:

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море...

(«Осьмнадцатое столетие», 1801—1802)

Ср. также далее: «Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки...».

⁵¹ Сходные мысли о бренности всего земного вызвала историческая карта «Река времен» у ее первого анонимного рецензента: «Никая история не может так поразить внимание человека, как сия карта. Никая история не возродит в душе чувствительного человека того неизъяснимого чувства скорби при виде быстрого полета всеразрушающего времени, которое рождается при воззрении вдруг на все премены мира. История народов и жребий царств поражают всякого» (Журнал российской словесности, издаваемый Николаем Брусиловым. 1805. № 8. С. 213—216).

⁵² О Фридрихе Штрассе (Friedrich Strass; 1766—1845) и его исторической карте «Река времен», пользовавшейся большим успехом во всей Европе, см.: Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1893. Bd 36. S. 498—501.

⁵³ Здесь и далее использовался экземпляр, хранящийся в Отделе эстампов РНБ (шифр: Эгр 11058, размер 150 на 71,5 см).

Как видим, русскому поэту уже была уготована завидная честь олицетворять для потомков ушедшее XVIII столетие; его алкание бессмертия, казалось бы, было удовлетворено, а карта «Река времен», обращенная к широкому кругу современников и в первую очередь к изучающему историю юношеству, недвусмысленно подтверждала это. Может быть, именно это признание современниками его поэтических заслуг побудило Державина перед лицом смерти ощутить тщету достигнутого, предельно абстрагироваться от мира событий, от всего вещественно-материального и подвести в удивительном по емкости акростихе итог длительным историко-софским раздумьям.